

Глава 1

Пробуждение было тяжким: затылок разламывало болью, во рту пересохло, тело затекло и плохо слушалось. Вместо того чтобы упруго вскочить, Ратьша, побряхтывая, словно старый дед, скинул с себя одеяло из медвежьей шкуры и уселся на краю ложа. Голову кружило, боль буравила затылок, однако вставать надо — нужда настоятельно звала в отхожее место. Ратьша набрал воздуха, напрягся и вскинул непослушное тело на ноги. Пошатнулся, расставил ноги пошире, пытаясь обрести равновесие, сделал первый шаг. Гладко струганные половые плахи приятно охладили подошвы ног. Он тряхнул головой, поморщился от прихлынувшей боли и решительно зашлепал босыми ногами к выходу из горницы, потом — по коридору до заветной дверцы.

После совершения нужных дел малость полегчало. Даже голова стала болеть вроде меньше. Только жажда мучила по-прежнему. Поскрипывая ступенями, боярин спустился вниз по лестнице и, миновав короткий коридорчик, вошел в трапезную.

В просторном помещении дух стоял тяжелый. Длинный стол на полсотни человек до сих пор не прибран: узорчатая полотняная скатерть залита медами и бражкой, завалена обглоданными костями и объедками, вокруг которых вились мухи. По столу лениво ползали осы, то взлетая, то снова плюхаясь на ароматные лужицы пролитого меда. На полу, застеленном свежей соломой, в самых живописных позах разлеглись вечерашние бражники — дружинники боярина Ратислава. Его, Ратьши, дружинники. А вперемешку с ними — вятские люди сельца Крепи, расположившегося рядышком с укрепленной

боярской усадьбой, носящей то же название. Даже не усадьбой — небольшой крепостью, построенной Ратиславом пять лет тому назад.

С улицы в широко распахнутую двустворчатую дверь, переступив высокий порог, вошла Меланья, боярская ключница, мамка Ратислава, воспитывавшая его с самого рождения. В крупных, натруженных руках она держала изрядного размера деревянную чашу. Не сразу углядев со свету проснувшегося боярина, дошла до середины трапезной и только тут, увидев Ратьшу, нахмурившись, проворчала:

— Что, княжич, болит головушка-то?

— Да не княжич я, мамка, не княжич. Сколько говорено, — поморщившись, привычно возразил Ратислав. — В бояре — это да, пожалован. Смотри, при чужих не ляпни.

— А что мне чужие! — возвысила голос Меланья. — По рождению княжич, а быть ли, не быть князем — то как бог даст. — И уже потише и поласковей: — На-ко, испей. Чай, сушит похмелье-то? Да и от больной головы я туда травок заварила.

Ключница протянула Ратьше чашу. Тот принял ее и отхлебнул. Кисловато-солонватый терпкий напиток погасил тлеющую внутри жажду, рассеял туман в голове.

— Хорошо! — крикнул боярин и в несколько глотков осушил посудину. — Благодарствую, спасительница, — возвращая чашу, произнес он. — Все хочу спросить: из чего сие зелье варишь?

— Уж сколько разов говаривала, княжич. Да ты, видать, опосля пиров непамятлив. Вот помру, кто тебя с похмелья выхаживать будет? Рассол капустный да клюква мятая. Хоть это запомни. Про травки даже говорить не буду, ин без толку.

— «Помру, помру», — передразнил Ратислав. — Последняя живая душа, что меня младнем знала. Нет уж, мамка, живи и здравствуй. Да и чего тебе помирать, не старуха ж еще. А давай мы тебя замуж выдадим. Вон хоть за Окула-конюха. — Боярин кивнул на возникшего в дверях здорового мужика, обросшего дикой черной бородой, с деревяшкой вместо левой ноги ниже колена. — Он хоть и без ноги, но мужик

хоть куда. А на коне так и любого молодого за пояс заткнет. Ты как, Окул, возьмешь мою мамку в женки?

Услыхав про такую напасть, грядущую на его голову, коных шархнулся прочь от двери и быстро, испуганно оглядываясь, заковылял к скотьему двору, изображая, что внезапно вспомнил о каком-то неотложном деле. Дородное тело Меланьи колыхнулось в беззвучном смехе.

— Замуж? За наших? Уж больно боятся меня здешние мужички. Разве за какого пришлого просватаешь, княжич.

Что да, то да, ключница в отсутствие Ратислава держала боярскую усадьбу, да и прислонившееся к ней сельцо, в железном кулаке. И наказы ее хоть мужики, хоть бабы исполняли только что не бегом. За глаза Меланью величали ведьмой. По правде сказать, было за что.

Ратьша привез ее пять лет назад из разоренного, вымирающего селения мерьского племени ивутичей, из которого была родом и его мать. Племя это издревле славилось своими колдунами да ведьмами. Через то и пострадало от слуг крепнущей Христовой веры. Добили ивутичей, впрочем, болгары, совершившие полтора десятка лет назад большой набег на граничившие с рязанскими землями области. Подлили масла в огонь и слухи о несметных сокровищах, которыми с незапамятных времен владели старейшины племени этого когда-то сильного и славного народа.

Один из болгарских отрядов добрался до скрытого в приокских чащобах главного селения ивутичей. Враги вырезали сонными его защитников, захватили в полон молодых баб, девок и чад. Старейшин долго пытали, добываясь, где запрятаны сокровища. Однако находники остались ни с чем. Были сокровища, нет ли — осталось тайной, которую старики унесли с собой в могилу. В ту страшную ночь погибла мать Ратьши, а сам он чудом спасся.

Принятое ключницей сразу по приезде крещение несколько не помешало ей творить наговоры и варить колдовские зелья. Но кроме всего этого Меланья успешно пользовалась болящих и принимала роды, за что ей все прощалось. А с батюшкой здешней сельской церковки Василием они даже подружились.

Тяжкие воспоминания, видно, отразились на лице Ратислава. Заметив, что молодой боярин загрустил, ключница по-серьезнела, вздохнула и предложила:

— Пойдем-ка, княжич, к колодцу, солью тебе, умоешься, голову остудишь. От дурных мыслей колодезная вода лучше всего. Лучше разве что родниковая. Пойдем, пойдем.

И впрямь, студеная вода, вылитая из двухведерной бадьи Меланьей ему на голову, окончательно взбодрила и прогнала возникшую было грусть. Ратьша скинул вымокшую рубаху, хлопнул по бугрящейся мышцами груди, крикнул:

— Сюда плечи!

Мамка без видимых усилий вскинула вновь наполненную бадью и плеснула ему на обнаженный торс.

— Ух! Хорошо! — выдохнул боярин. — Теперь на спину! — И согнулся в пояс.

Получив еще одну бадью воды на спину, Ратислав выхватил у Меланьи приготовленный рушник и с наслаждением растерся. Чувствуя, как прохладный осенний ветерок холодит покрасневшую кожу, он взбежал по лестнице на площадку смотровой вышки и окинул взором окрестности усадьбы.

Усадьба-крепость, названная Ратьшей в свое время без затей Крепью, была построена им на вершине холма, расположенного на правом высоком берегу реки Прони. Западная сторона холма, подмытая рекой, образовывала высоченный, сажень в пятнадцать, крутой обрыв. Глинистую стену облюбовали для своих гнезд ласточки-береговушки, источившие почти отвесный склон многочисленными норками. Подобраться отсюда к тыну, вкопанному по краю обрыва, наверное, было можно, но с большим трудом. Только кто бы дал спокойно карабкаться на эту верхотуру? Защитникам крепости было чем приласкать со стены незваных гостей.

С северной стороны склон холма тоже срезан глубоким оврагом. На дне его журчала маленькая речушка, впадающая в Пронию и скрытая густыми зарослями ветлы. Две оставшихся стороны — восточную и южную — никакие естественные преграды не прикрывали, но и здесь склоны холма довольно круты, а перед усадьбой выкопан глубокий ров, выброшенная земля из которого образовывала вал высотой в пять сажень.

В гребень вала вкопан тын из толстых дубовых бревен, высотой еще сажени в четыре. По внутренней стороне тына идет боевой ход, прикрытый со стороны поля заборолами, а сверху от вражьих стрел и непогоды — тесовой двускатной крышей.

На южной стороне вал прорезал въезд, прикрытый надвратной башней, сложенной из тех же дубовых бревен. Внизу башни — ворота шириной как раз, чтобы могла проехать телега, а высотой — всаднику проскакать, не сгибая головы. Закрывались ворота двумя створками, собранными из толстых дубовых плах и обитыми снаружи железными листами. Дорого, зато прочно, не всякий таран возьмет, да и поджечь их с такой обивкой непросто. А денег у боярина Ратислава хватает. Сейчас обе створки отворены: позднее утро, дворя уже снует туда-сюда. Ночью, конечно, врата держат закрытыми, так как места беспокойные. На верху воротной башни имеется боевая площадка, покрытая четырехскатной тесовой же крышей.

Почти половину внутреннего двора, огороженного тыном, занимал боярский терем с хозяйственными пристройками и жильем для немногочисленной дворни. Задней стеной терем упирался в крепостную стену, выходящую на речной обрыв. Верхнее жилье с горницей возвышалось над тыном сажени на три. Смотровая вышка, с которой сейчас любовался окрестностями Ратьша, вздымалась над крышей терема еще саженей на пять. Оставшееся место внутри стен занимали конюшня, амбар, скотий и птичий двор. В середине торчал колодезный сруб. Колодец глубокий. Рыли его приглашенные Ратиславом водоискатели почти что месяц. Но зато и вода в нем оказалась на диво вкусна и холодна, до ломоты зубовой. Хватало ее на все нужды обитателей боярской усадьбы, двуногих, четвероногих и пернатых, даже в сухие и знойные лета.

На южном и восточном склонах холма, хорошо отступив от стен крепости для безопасности от осадников, раскинулись домишки сельца, прислонившегося к боярской усадьбе и взявшего ее имя. Первые насельники появились еще во время строительства терема. Прослышав, что новый боярин не забижает, да еще и дает подъемные льготы, народ потянулся из разных мест, и сейчас сельцо насчитывало поболее сорока

дворов. Год назад всем миром срубили небольшую церквушку. Освятил ее сам епископ Рязанский Евфросий, которому боярин приходился крестником. А батюшку, кроткого и безвредного отца Василия, Ратислав сманил из Пронска.

Сельцо делила на две неравные части хорошо наезженная дорога, являющаяся одновременно главной улицей. Начиналась она от разборного (на случай осады) моста через ров, сбегала между домов к подошве холма, загибалась влево и там, верстах в двух, уже в лесу, начинавшемся недалеко от холма, соединялась с дорогой, ведущей из Пронска в Рязань.

Лесов окрест много. Особенно на противоположном, левом берегу Прони. Леса не густые, светлые, по большей части лиственные, с часто встречающимися большими полянами. Чем дальше на юг, ближе к Дикому полю, тем чаще попадаются и больше становятся поляны, реже лес. Еще южнее лес превращается в раскиданные в степных просторах островки рощ и рощиц. Потом пропадают и они, и вся земля становится бескрайней степью, колышущейся под ветром травяным морем.

На север до самого впадения Прони в Оку все те же светлые лиственные леса. А вот сразу за Окой, на левом ее берегу, лес другой: темный и густой, все больше хвойный, перемежающийся озерами и болотами.

Вверх по Проне на юго-запад в пятидесяти верстах — Пронск. Родовое гнездо пронских князей. Отец Ратислава Изяслав Владимирович был одним из них. Ровно двадцать лет назад его убили родные братья Глеб и Константин на злосчастном съезде в Исадах. Там же были убиты пятеро двоюродных братьев отца. Ратьше тогда только исполнилось семь весен, но он помнит тот страшный день, когда на телеге, источающей запах смерти, привезли укрытого дерюгой отца. Жили они тогда в городке Ижеславце, расположенном западнее Пронска. После похорон мать вернулась к ивучичам, забрав с собой сына. Родня со стороны отца не противилась, так как не ко двору пришлась гордая невестка, с которой к тому же жил их сын в браке, не освященном церковью, поскольку невестка все никак не могла собраться принять крещение. Да и пришибла их вся эта страшная история — убийство двумя братьями третьего.

...Ратьша тряхнул головой, отгоняя грустные воспоминания, еще раз окинул взглядом открывающееся с верхотуры раздолье и спустился вниз. Зашел в трапезную. Здесь вчерашние бражники уже начали просыпаться. Дворовые девки под руководством Меланьи споро убрали со столов, накрывали их свежими скатертями, несли корчаги с пивом, вином и медами. Не для продолжения пира (и так три дня гулеванили) — для опохмела. Почувяв винный и медовый дух, последние еще не поднявшиеся с пола бражники зашевелились, кряхтя, враскоряку добрались до столов, устроились на скамьях и дрожащими руками начали разливать по чашам живительную влагу. Проснувшиеся раньше и плещущиеся сейчас у колодца тоже потянулись к столам. Девки тем временем расставили заедки.

Ратьша как радушный хозяин уселся во главе стола. Пить не хотелось — нутро, отравленное хмелем, екало при одном только запахе. Но было надо. Стараясь не дышать, плеснул содержимое чаши в рот, с усилием проглотил. Посидел, прислушиваясь, как оно там. Обратного не запросится? Ничего, удержалось.

Маленько погода даже захотелось отведать квашеной капусташки. Подцепил щепотью из деревянного блюда, капая ядреным рассолом, закинул в рот. Ух, хорошо! Теперь холодца. Мелания специально поставила поближе. Хренку на него побольше. Заесть ломтем еще горячего утреннего пшеничного хлеба.

Бражники тем временем наливали по второй. Вторая пошла много легче. Опять закусили. Приняли третью. Все, обязанность гостеприимного хозяина Ратьша исполнил. Поднялся, поблагодарил всех за оказанную честь и вышел из-за стола. Теперь гости должны были выпить еще по чаше-другой, закусить и расходиться по домам. Остаться дольше — прослыть невежей.

Боярин вышел из ворот усадьбы, присел на вкопанную для воротной стражи скамью у самого моста через ров, поставил лицо ласковому утреннему солнышку. Вскоре из ворот потянулись первые гости, собравшиеся до дому. Каждый останавливался напротив сидящего Ратьши, поясно кланял-

ся, благодарил за угощение и отправлялся восвояси. Кому-то хозяин Крепи просто кивал, кому-то поднимался навстречу и отдавал легкий поклон — это вятским людям сельца. Наконец вышел последний — сельский кузнец. Шел он, выписывая ногами замысловатые кренделя, видимо, успел набраться на старые дрожжи. Мастер золотые руки, но на хмельное слаб. Его, зная мужнины привычки, уже поджидала за мостом жена. Дождавшись, подхватила запинаящегося супруга и повела вниз по дороге.

Ратьша смачно, с хрустом потянулся, покрутил головой, разминая шею, и повернулся было к воротам, собираясь заняться насущными делами. В этот момент он заметил скачущего от леса к холму, на котором стояли сельцо и усадьба, всадника. Похоже, гонец по его, Ратьшину, душу. Решил дождаться тут же, на месте. Пока верховой поднялся по склону, из ворот успел выйти боярский ближник Могута. Этот сегодня почти не пил, только пригублял из чаши, чтобы не обидеть застолье. Подошел, встал рядом. Всмотрелся в приближающегося всадника.

— К нам, — кашлянув, произнес он.

— Угу, — согласился Ратьша. — Откуда бы?

— С Рязани. Отрок из молодшой дружины великого князя.

Боярин кивнул, хоть и не узнал гонца: раз Могута сказал, значит, так оно и есть, зрение у бывшего Ратьшиного наставника было на зависть молодым, а память на лица и того лучше.

Годков боярскому ближнику близилось к пяти десяткам, но он оставался могуч и крепок, как дуб, и в то же время легок на ногу и гибок. В скачке, стрельбе и конном бою ему не было равных, пожалуй, что во всей Рязанской земле. Разве только Коловрат, набольший княжеский воевода, мог посоперничать с ним. Сухощавое лицо с глубокими складками вокруг рта обрамлено аккуратно подстриженной темной бородкой с редкими нитями седины, длинные волосы собраны в конский хвост, глубоко посаженные черные глаза внимательно следят за всадником.

Двенадцать лет тому назад великий князь Рязанский отдал Ратьшу, ставшего круглым сиротой, на обучение в деся-

ток степной стражи, которым командовал Могута. Учеником четырнадцатилетний отрок оказался способным. Ратное мастерство давалось ему на удивление легко. Что и немудрено: на коня Ратислава посадил отец, как и положено княжичу, в пять лет, в то же время началось и его воинское обучение.

Перерыв из-за смерти родителя оказался недолгим: в городище ивучичей мать нашла юному княжичу нового наставника из местных. Потом случились набег булгар, гибель матери и ивучичских родичей, чудесное спасение, скитания по лесам. В конце концов он добрался до Рязани и был узан своим крестным, епископом Евфросием, который и представил Ратьшу пред светлы очи великого князя, поведав вначале тому историю его непростой жизни. Какое-то время сирота воспитывался с детьми Юрия Ингоревича, а потом князь отдал его в обучение к Могуте.

К шестнадцати годам Ратьшу, превратившегося в крепкого юношу, поставили десятником. К восемнадцати — сотником. А пять лет тому назад, когда Ратиславу исполнилось двадцать, великий князь Рязанский Юрий Ингоревич пожаловал его боярским званием. Пожаловал заслуженно — в бою он немногим уступал Могуте, а в вождении воинских отрядов, знании степи и ее обитателей превзошел всех своих учителей. Потому к боярскому званию Ратислав был назначен воеводой степной стражи.

Должность хлопотная. Отдохнуть можно было разве только в глухозимье да ранней весной, а как снег сойдет и степь просохнет, только успевай поворачиваться. Сколько пограничных городков да крепостиц раскидано по постояннодвигающейся на юг рязанской границе. Опять же, засечные линии, дальние дозоры. Потом — поездки к дружественным и не очень половецким ханам и старшинам бродников, переговоры, улещивания, угрозы. А уж если набег случится.... В общем, хлопот много. Могута остался при новоиспеченном боярине ближником, так как советы многоопытного воеводы всегда приходились к месту.

С такой беспокойной жизнью Ратислав до сих пор не обзавелся семьей. Хоть вымахал в рослого, крепкого, как молодой дубок, белокурого красавца, на которого заглядывались

девки, молодухи и даже зрелые, за тридцать весен, обремененные кучей ребятишек замужние бабы и честные вдовицы.

Боярин еще раз глянул на скачущего.

— Подождем, — сказал он и снова присел на скамейку.

Могута устроился рядом.

Ждали недолго. Скакун застучал копытами по мосту через ров и через миг, присев на задние ноги и обдав запахом конского пота, был осажен седоком рядом с поднявшимися на ноги Ратиславом и Могутой. Запыленный всадник (без брони, из оружия только меч на поясе) спрыгнул на землю и, отдав легкий поклон, произнес:

— Боярин, великий князь срочно требует в Рязань.

— Что там стряслось такое? — тревожась, спросил Ратьша.

— Мне неизвестно, велено только передать, чтоб не мешкал.

— Ладно, пойдй умойся, поешь. Коня на конюшню сведи, там примут. Обратнo с нами поедешь.

Гонец кивнул, взял скакуна под уздцы и повел его в ворота.

— Что ж такое случиться-то могло? — задумчиво протянул Ратислав. — Седмицы не прошло, как князь сам отпустил меня. Неуж в степи стало неспокойно?

В этом годе с самой весны, только степь просохла, рязанские дозоры рассыпались по Дикому полю, уходя далеко на полдень. Тревожно там было все последние четыре года, с тех пор как снова появившиеся с востока татары затеяли войну с Волжской Булгарией и восточными племенами половцев. Первый раз русичи встретились с ними четырнадцать лет назад в печально знаменитой битве при Калке. На обратном пути потрепанных победителей болгары заманили в засаду и разгромили в дым. Пленных татар продавали по цене баранов, потому и называли гордые болгары сию битву Бараньей битвой.

Однако не прошло и десятка лет, как татары появились снова, поставили юрты в устье Итиля и начали теснить болгар, а заодно и мешающих им пасти свои стада половцев. Татары (или монголы, как они сами себя называли) покорили или пожгли хазарские и саксинские города в устье Итиля и по северному берегу Хвалынского моря, а потом двинулись вверх по Итилю-Волге.

Шло у них спервоначалу все споро: небольшие болгарские заставы отступали, не принимая боя. Но потом пошли леса. Булгары к тому времени соорудили в этих лесах засеки и остроги, а крепостная линия там имелась с незапамятных времен, сторожа богатую Булгарию от жадных степняков. Здесь татар и остановили. Булгары, удерживая их возле укреплений, наносили удары мелкими отрядами, внезапно появляющимися и так же исчезающими в лесной дебри. Потом на помощь булгарам пришли башкирды, кочующие на восход от Итиля. И татары не выдержали, откатились к устью реки, к северному берегу Хвалынского моря. Правда, добить их не получилось. Между союзниками начались споры — постарались монгольские послы, имеющие богатый опыт по внесению раздоров в ряды своих врагов. Башкирды ушли обратно в степи, оставив булгар с татарами один на один.

Года четыре назад на помощь монголам явился хан Батый. С ним пришли и три его брата. Имен братьев Ратьша не запомнил. Опять татарам удалось потеснить булгар, а башкирдов даже разбить и покорить. Но снова булгарам удалось отбиться. А в начале прошлого года Батый отъехал в главную ставку монголов, находящуюся где-то далеко на востоке рядом с Богдойским царством, тем самым, откуда возили шелк и чай. Половину этого царства, как говорили купцы, монголы уже завоевали, а со второй, южной, до сих пор длилась война.

Прошлой осенью Батый вернулся, ведя с собой несметное войско. Удара его булгары не выдержали. Укрепленные линии были прорваны, и монголы хлынули внутрь страны. Всю зиму враг зорил болгарскую землю, истребляя сопротивляющихся поголовно. Несколько крупных городов, в число которых входила столица Булгарии Биляр, отбивались до последнего. Теперь на их месте, говорят, остались только головни и обугленные кости сожженных жителей.

Этим летом какая-то часть завоевателей обрушилась на половцев, громя их в мелких стычках и тесня за Дон. Сколько пришельцев осталось на Итиле, сколько гоняло по степи половцев и сколько пребывало в Булгарии, никто не знал. Купцы с тех мест не приходили, свои идти туда боялись, а толь-